

Օտար Քաղաքում
Արշակե պոփոկում

خيام. عمر

Омар Халифилл

Лузшкел
афоризмби

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-84
ББК 94.8
О57

Омар Хайям. — Москва : Издательство АСТ,
О57 2018.— 192 с. — (Лучшие афоризмы).

ISBN 978-5-093378-5

Омар Хайям родился в 1048 году в Нишапуре. Там же учился, позже продолжил обучение в крупнейших центрах науки того времени Балхе, Самарканде и др. Будучи двадцати одного года от роду Омар Хайям написал трактат «О доказательствах задач алгебры и аллукабалы». В 1074 г. возглавил крупнейшую астрономическую обсерваторию в Исфахане. В 1077 г. закончил писать книгу «Комментарии к трудным постулатам книги Евклида». В 1079 г. создал более точный по сравнению с европейским календарь, который официально используется с XI века.

После смены правителя Исфахана обсерваторию закрыли. Омар Хайям совершил паломничество в Мекку, после работал врачом в Хорасане и написал трактат на языке фарси «о всеобщности бытия». Последние годы жизни Хайям провел в уединении.

Насколько достоверна биография человека, жившего тысячу лет назад? И был ли такой человек на самом деле? Жизнь Омара Хайяма окутана легендами, мифами и домыслами. Сегодня даже невозможно определить, сколько четверостиший подлинно хайямовские, а сколько принадлежат перу его последователей. Очевидно одно — перед нами величайший поэтический гений, чья поэзия пульсирует в такт биению человеческого сердца, часто влюбленного...

УДК 82-84
ББК 94.8

ISBN 978-5-093378-5

© ООО «Издательство АСТ»

Омар Хайям

Хайям (Гиясаддин Абу-ль-Фатх ибн Ибрахим Омар Нишапурский) — персидский поэт-философ, имеющий много поклонников в Европе и Америке, где существуют даже общества его имени.

По-видимому, он был сын нишапурского ткача и продавца палаток и родился около четверти XI века, если не позже. Обстоятельства его молодости и воспитания неизвестны. Общепринят рассказ о том, как около 1034 года Хайям был школьным товарищем будущего сельджукского визиря Низам Аль-Мулька и будущего основателя секты ассинов Хасана Саббаха, как они поклялись друг другу в дружбе и как Низам Аль-Мульк, достигнув визирства у Мелик-шаха, оказал обоим товарищам протекцию. Таким образом объясняется получение Хайямом должности астронома султанской обсерватории в Мерве.

Старейшая биография Хайяма свидетельствует только, что Хайям в философских науках был равен Ибн-Сине (Авиценне), которого он читал даже перед смертью и «греческую науку» которого преподавал другим; он был прекрасным математиком-алгебраистом и астрономом, хорошо знал историю, филологию и мусульманское законоведение; его обществом дорожил султан Мелик-шах; у него просил научных объяснений знаменитый философ-скептик, прозванный «доказательство ислама», шейх Газзалий. Учеников Хайяма неприятно поражали только его резкость и желчность.

Свои философско-поэтические идеи Хайям облакал в форму рубайат (четверостиший), которая введена была в персидскую литературу незадолго до Хайяма и которой пользовался также Ибн-Сина. По содержанию рубайат Хайяма оказываются прямым продолжением рубайат Ибн-Сины, но по форме — несравненно выше: они отличаются выразительной сжатостью и художественностью, глубоким элегическим чувством, иногда метким, насмешливым

остроумием. Так как во многих новейших списках попадаются рубайат, не имеющиеся в других списках, то общая совокупность их доходит до тысячи двухсот; наиболее общепринятых — около пятисот; в старейшем бодлянском списке 1461 года их четыреста пять, но, как показано профессором Жуковским, даже в этом списке есть по меньшей мере одиннадцать рубайат, принадлежащих не Хайяму. Интерполяции объясняются тем, что диван Хайяма, преследуемый мусульманским духовенством, мог переписываться только тайно, и открытая критика текста была невозможна.

В тех рубайат, подлинность которых менее сомнительна, Хайям является глубоким мудрецом элегического настроения. Он мучится вопросами бытия; с печалью указывает, что мы, быть может, попираем ногами не землю, а истлевший мозг мудрого и гордого человека или щеку красавицы; грустно констатирует, что и рождение, и смерть каждого человека совершенно не нужны, и что над Вселенной тяготеет тупой рок; в своей горечи иногда задает укоризненные

вопросы самому Богу и обвиняет Его в мировом неустройстве. То разрешение задач жизни, которое предлагает ислам, кажется Хайяму полным противоречий, а мусульманские представления о загробной жизни с Мухаммедовым раем и адом — смешными; мусульманское духовенство с его узким догматизмом и жадностью возбуждает в Хайяме желчную злобу и отвращение. Его не удовлетворяет ни одна из позитивных религий, которые в его глазах все не выше и не ниже ислама. Исход для себя Хайям, судя по иным рубайат, видит в суфийском мистицизме, причем, однако, те суфии, которые проявляют ханжество и лицемерие, ему столь же противны, как и обыкновенное исламское духовенство. Хайям проповедует уничтожение эгоизма, нравственную чистоту, тихую созерцательную жизнь пантеиста, теплую любовь ко всеобъемлющему Богу, понятому не в догматическом смысле, а в стремлении к царству вечного, светлого и прекрасного.

В полном соответствии с этими рубайат Хайяма находится биографическое сообщение, по которому Хайям почти с последним

вздохом закрыл философскую книгу «Исцеление» Ибн-Сины на отделе «О едином и многом» и, произнеся молитвенную благодарность Богу за то, что Его познал, скончался.

Многие рубайат, указывая на бесцельность мира, необязательность коранских предписаний и нелогичность мусульманского рая и ада, предлагают, наоборот, исход гедонический; советуют отдаться без стеснения вину, любви и беззаботному пользованию жизнью и воспевают красоту весенней, пробуждающейся природы, которая манит к наслаждению. Рубайат этого разряда пользуются особенной любовью большинства читателей, как азиатских, так и европейских, и считаются у них за наиболее характерные для Хайяма. Кое-кто с большой натяжкой хочет их истолковать мистически.

Современные комментаторы объясняют взаимное противоречие между рубайат Хайяма тем предположением, что в них отражаются разные фазы духовного развития автора: эпикурейские рубайат могут отно-

ситься к раннему, молодому периоду жизни Хайяма. Иного мнения держится профессор Жуковский, находя, что так называемый диван Хайяма полон интерполяций из других авторов и что в восьмидесяти двух интерполированных рубаят сорок три процента отведено мрачному пессимизму, а тридцать три процента — вину, любви и наслаждениям.

*Энциклопедический словарь
Брокгауза и Ефрона*

Перевод Константина Бальмонта

Поток времен свиреп, везде угроза,
Я уязвлен и жду все новых ран.
В саду существ я сжавшаяся роза,
Облито сердце кровью, как тюльпан.

Если в лучах ты надежды —
сердце ищи себе, сердце,
Если ты в обществе друга —
сердцем гляди в его сердце.
Храм и бесчисленность храмов меньше,
чем малое сердце,
Брось же свою ты Каабу, сердцем ищи
себе сердце.

Когда я чару взял рукой и выпил светлого
вина,
Когда за чарою другой вновь чара выпита
до дна,
Огонь горит в моей груди, и как в лучах
светла волна,
Я вижу тысячи волшебств, мне вся
вселенная видна.

Этот ценный рубин — из особого
здесь рудника,
Этот жемчуг единственный светит
особой печатью.
И загадка любви непонятной полна
благодатью,
И она для разгадки особого ждет языка.

Перевод Ивана Тхоржевского

Ты обойден наградой? Позабудь.
Дни вереницей мчатся? Позабудь.
Небрежен ветер: в вечной книге жизни
Мог и не той страницей шевельнуть...

Не станет нас. А миру — хоть бы что!
Исчезнет след. А миру — хоть бы что!
Нас не было, а он сиял и будет!
Исчезнем мы... А миру — хоть бы что!

Ночь. Брызги звезд. И все они летят,
Как лепестки сиянья, в темный сад.
Но сад мой пуст! А брызги золотые
Очнулись в кубке... Сладостно кипят.

Что там, за ветхой занавеской тьмы?
В гаданиях запутались умы.
Когда же с треском рухнет занавеска,
Увидим все, как ошибались мы.

Весна. Желанья блещут новизной.
Сквозит аллея нежной белизной.
Цветут деревья — чудо Моисея...
И сладко дышит Иисус весной.

Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь... А пешки? — мы с тобой.
Подвигают, притиснут — и побили.
И в темный ящик сунут на покой.

Мир с пегой ключей можно бы сравнить,
А этот всадник, — кем он может быть?
«Ни в день, ни в ночь, — он ни во что
не верит!»
— А где же силы он берет, чтоб жить?

Без хмеля и улыбок — что за жизнь?
Без сладких звуков флейты — что за жизнь?
Все, что на солнце видишь, — стоит мало.
Но на пиру в огнях света и жизнь!

Лей! И в огонь весенней кутерьмы
Бросай дырявый, темный плащ зимы.
Недлинен путь земной. А время — птица.
У птицы — крылья... Ты у края тьмы.